

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В Тынце, в корчме «Свирепый тур», принадлежавшей аббатству, сидела за столом кучка народу и слушала бывалого рыцаря, который вернулся из дальних стран и рассказывал теперь о том, в каких переделках довелось ему побывать на войне и в дороге.

Бородатый, плечистый, богатырского роста, в полном расцвете сил, рыцарь, однако, был очень худ, волосы у него были убраны под шитую бисером сетку, на кожаном кафтане отпечатались кольца панциря, за наборным поясом, сплошь из медных блях, торчал нож в роговых ножнах, на боку висел короткий дорожный меч.

Рядом с рыцарем сидел за столом длинноволосый юноша с веселым взглядом, видно товарищ его или оруженосец, потому что и он был одет по-дорожному, в точно такой же помятый панцирем кожаный кафтан. Кроме них за столом сидело двое шляхтичей из окрестностей Кракова да трое горожан в алых остроконечных шляпах, языки которых свешивались набок до самых локтей.

Хозяин корчмы, немец, в светло-желтом колпаке с зубчиками по нижнему краю, наливал гостям из жбана в глиняные кружки сыченое пиво и с любопытством прислушивался к рассказу о военных подвигах.

С еще большим любопытством слушали рыцаря горожане. В те времена ненависть, которая при Локотке разделяла горожан и рыцарство, стала уже угасать, и горожанин не гнул так спину перед паном, как в позднейшие века. Пан еще ценил его готовность *ad concessionem*

ресуниагум¹, и в корчмах нередко случалось видеть, как купцы запросто бражничали с шляхтой. На них взирали даже с некоторой благосклонностью, потому что денег у них всегда было побольше и они обычно платили за своих благородных сотрапезников.

Итак, сидели в корчме горожане с шляхтичами и вели беседу с рыцарем, время от времени подмигивая хозяину, чтобы тот наполнил кружки.

— Сколько свету видали вы, благородный рыцарь! — воскликнул один из купцов.

— Да, немногим из тех, что съезжаются сейчас отовсюду в Краков, привелось столько увидеть, — ответил приезжий рыцарь.

— И пропасть же народу туда съедется! — продолжал горожанин. — Великое торжество и великое ликование в королевстве. Толкуют, и, верно, не зря, будто король всю опочивальню королевы повелел покрыть парчой, шитой жемчугами, и ложе убрать таким же балдахинном. Игрища и ристалища будут, каких доселе не видывали.

— Кум Гамрот², не перебивайте рыцаря, — заметил другой купец.

— Да я, кум Айертретер³, не перебиваю, я только думаю, рыцарю тоже любопытно узнать, что народ толкует, ведь и он, наверно, едет в Краков. Мы нынче все равно не поспеем вернуться в город, потому что ворота заперут, а ночью вошь спать не дает, так что успеем наговориться.

— Вам слово, а вы десять. Стареете, кум Гамрот!

— Ну, штуку мокрого сукна я еще одной рукой подниму.

— Эва! Такого, что, как сито, насквозь светится.

Однако дальнейшие споры прервал странствующий рыцарь.

— Это верно, — сказал он, — что я останусь в Кракове, слышал я про ристалища и охотно попытаю на них

---

¹ Платить наличными (*лат.*).

² Тогдашние фамилии, вернее, прозвания. (*Примеч. авт.*)

³ См. предыдущую сноску.

свою силу, да и племянник мой тоже, хоть и юн годами и безус, а не одного панцирника поверг уже на землю.

Гости бросили взгляд на юношу, который весело улыбнулся и, заложив за уши длинные волосы, поднес к губам кружку пива.

— Да и захотели бы мы вернуться, — прибавил старый рыцарь, — все равно некуда.

— Это как же так? — спросил один из шляхтичей. — Откуда же вы родом и как вас зовут?

— Меня зовут Мацько из Богданца, а это сын моего родного брата, зовут его Збышко. Герб наш — тупая подкова, а клич — «Грады!»

— Где же он, ваш Богданец?

— Эх, сударь, спросите лучше, где он был, потому что нет уж его. Еще во время войны Гжималитов с Наленчами сожгли дотла наш Богданец, так что один только старый дом остался; все, что было, забрали, а слуги наши разбежались. Одна голая земля осталась, мужики, которые жили по соседству, и те ушли дальше в леса. Отстроились мы с братом, отцом этого хлопца, да на другой год вода все снесла. Потом брат умер, и остался я после его смерти один с сиротою. Подумал я тогда: нет, не усидеть мне здесь! А в ту пору народ толковал про войну, шла молва, будто Ясько из Олесницы, которого король Владислав после Миколая из Москожова послал в Вильно, спешно набирает по всей Польше рыцарей. Отдал я землю в залог достойному аббату, нашему родичу, Янеку из Тульчи, купил на деньги доспехи, коней, снарячился, как положено, в военный поход, посадил на меринка парнишку, которому было в ту пору двенадцать лет, и айда к Яську из Олесницы!

— С подростком?

— Да он в ту пору и подростком-то не был, но крепкий был парнишка. Бывало, в двенадцать лет упрет саможострел в землю, прижмет животом да так натянет тетиву рукоятью, что и англичанин — мы их под Вильно видали — лучше не справится.

— Такой был сильный?

— Шлем за мною носил, а как стукнуло ему тринадцать, так и щит стал носить.

— Немало довелось повоевать вам.

— Все из-за Витовта. Сидел князь у крестоносцев, и каждый год делали они набеги на Литву под Вильно. Разный народ шел с ними: немцы, французы, англичане — они самые меткие лучники, — чехи, швейцарцы, бургундцы. Рубили они леса, замки по дороге строили, да всю Литву огнем пожгли, мечом посекали, так что весь народ, который живет там, хотел покинуть родную землю и искать другой, хоть на краю света, хоть среди детей Веллиала, только бы подальше от немцев.

— Да и мы тут слышали, будто все литвины хотели уйти с детьми и женами, но только не верили этому.

— А я сам все это видел. Эх, эх! Не будь Миколая из Москожова, Яська из Олесницы да, не в похвальбу сказать, нас вот с ним, не было бы уже и Вильно.

— Это мы знаем. Вы замка не сдали.

— Да, не сдали. Вы вот послушайте хорошенько, что я вам скажу, человек я служилый и в войне искушенный. Еще старики говаривали: «неукротимая Литва», — оно и верно! Ловко литвины дерутся, но не с рыцарями им в поле силами мериться. Вот когда кони немцев в трясине увязнут или лес дремучий кругом, ну, тогда дело другое.

— Немцы добрые рыцари! — воскликнули горожане.

— Они стеной стоят, плечом к плечу, и так, собачьи дети, закованы в железную броню, что сквозь забрало одни глаза только и видно. И лавой валят. Ударят, бывало, на них литвины и рассыплются кто куда как песок, а нет, так немцы сомнут их и растопчут. Не одни у крестоносцев немцы — сколько есть народов на земле, все у них служат. Ну и храбрецы! Пригнется этот рыцарь к луке, наставит копье и перед битвой один ринется на целое войско, как ястреб на стадо.

— Господи! — воскликнул Гамрот. — А которые ж из них лучше всех?

— Это смотря по оружию. Из самострела лучше всех англичанин стреляет, он панцирь стрелой навывлет про-

бьет, а в голубя попадет на сто шагов. Чехи страх как секирами рубятся. Что до двуручного меча, так тут немец никому не уступит. Швейцарец железным чеканом легко расколлет шлем; но нет лучше рыцаря, чем из французской земли. Этот бьется и конный и пеший и при том так и сыплет дерзкими словами; только его все равно не поймешь, потому тараторят французы, будто в оловянные миски бьют, а так народ ничего, набожный. Они нам через немцев передавали, будто мы, христиане, защищаем язычников и сарацин, и слово дали доказать это в рыцарском единоборстве. Вот такой Божий суд должен быть между четырьмя ихними и четырьмя нашими рыцарями, а встреча назначена при дворе Вацлава, короля римского и чешского¹.

Любопытство шляхтичей и купцов было так возбуждено, что они даже шеи вытянули и давай спрашивать Мацьку из Богданца:

— Кто же там будет из наших? Говорите скорей, не томите!

Мацько поднес ко рту кружку и выпил пива.

— Э, — ответил он, — за наших не бойтесь. Ян из Влошовы будет там, каштелян добжинский, да Миколай из Вашмунтова, да Ясько из Здакова, да Ярош из Чехова — все славные рыцари, отменные храбрецы, им не впервой драться на копьях ли, на мечах ли или на секирах. Будет на что поглядеть и что послушать, потому, как я уже сказал, французу ногой на горло наступи, а он все дерзкие слова говорит. Они всех переговорят, а наши, как Бог свят, всех побьют.

— Честь и слава будет нашим, только бы Господь их благословил, — сказал один из шляхтичей.

— И святой Станислав, — прибавил другой. Затем, повернувшись к Мацьку, он снова стал спрашивать: — Нуте-ка, расскажите нам обо всем! Вы вот прославляли отвагу немцев и иных рыцарей, говорили про то, как легко они одолели Литву. А разве с вами им не было потруд-

---

¹ Исторический факт. (Примеч. авт.)

ней? Разве они так же охотно шли и против вас? Даровали вам Бог победу? Наше оружие славьте!

Но Мацько из Богданца не был, видно, бахвалом. Он скромно ответил:

— Кто вновь прибывал из дальних стран, те с охотой шли против нас, ну только раз-другой, бывало, попробуют и поостынут. Неукротим наш народ, и нас часто укоряли за эту неукротимость. «Смерти, — говорят, — не страшитесь, а сарацинам помогаете, гореть вам за это в геенне огненной!» А мы еще лютей становились, потому ведь неправда все это! Король с королевой крестили Литву, и всяк на Литве поклоняется Иисусу Христу, хоть не всяк и умеет. Известно, что и наш всемилостивейший король, когда в Плоцке в кафедральном соборе повергли на землю идола, повелел ему огарок поставить, и ксендзам пришлось уламывать короля, что не годится так поступать. А что ж говорить о простом человеке! Многие так себе думают: «Повелел князь креститься, я и окрестился; повелел Христу бить поклоны, я и бью, но чего же мне старрой нечисти творожку жалеть, не кинуть ей печеной репы, пены не плеснуть с пива? Не сделаешь этого, лошади падут или коровы опаршивеют, молоко станут с кровью давать, а то и урожай пропадет. Многие так делают, потому и попали под подозрение. Да ведь они это все по невежеству, из страха перед нечистью. В старину этой нечисти лучше жилось. У нее были свои леса, свои просторные лесные хаты, верховые кони, да и десятину брали божки. А нынче леса повырублены, есть нечего, по городам в колокола звонят, вот вся нечисть и зарылась в самых дремучих борах да и воет там с тоски. Пойдет литвин в лес, так его там то один, то другой божок за полу кожуха держает, дай, говорит. Некоторые дают; но есть и такие смельчаки, что не только не хотят давать, но еще и ловят их. Один насыпал в воловий пузырь пареного гороху, так туда тотчас тринадцать божков и залезло. А он заткнул их рябиновым кольшком да и понес в Вильно продавать францисканцам; ну, те охотно дали ему двадцать скойцев, лишь бы расточить врагов имени Христова. Я сам этот пузырь

видал, еще издали от него шел богомерзкий дух — это все бесстыдная нечисть со страху перед святой водой...

— А кто посчитал, что их там тринадцать было? — живо спросил купец Гамрот.

— Литвин говорил: он видел, как они лезли. Да по одному духу можно было узнать, что они там сидят, ну а колышек никому вынимать не хотелось.

— Экое диво какое! — воскликнул один из шляхтичей.

— Да, всякого дива я там насмотрелся. Народ хороший, ничего не скажешь, но только все у них особенное. Лохматые все, разве только какой-нибудь князь у них волосы чешет; едят печеную репу, почитают ее за самое лучшее кушанье, от нее будто храбрости прибавляется. В лесных хатах живут со скотиной вместе да с ужами; в питье и в еде никакой меры не знают. Баб ни в грош не ставят, зато девушек очень уважают, верят, что владеют те великой силой; стоит будто девке натереть человеку живот сухой черникой — и колик как не бывало!

— Коли девки красавицы, так не жаль, если и живот схватит, — воскликнул кум Айертретер.

— Про то Збышка спросите, — заметил Мацько из Богданца.

Збышко залился таким смехом, что лавка под ним заходила ходуном.

— Есть и красавицы, — сказал он. — Разве Рынгалла не была красавицей?

— Это что за Рынгалла такая? Прелестница, что ли? Ну же, рассказывай!

— Как, вы не слыхали про Рынгаллу? — спросил Мацько.

— И не слыхивали.

— Да ведь это сестра князя Витовта, жена Генрика, князя мазовецкого.

— Что вы говорите! Какого князя Генрика? Был один мазовецкий князь Генрик, плоцкий епископ, но он умер.

— Он самый. Рим должен был разрешить его от обета, но смерть раньше его разрешила; видно, не очень порадовал он Господа Бога своим поведением. Ясько из

Олесницы послал меня к князю Витовту с письмом в Риттерсвердер как раз тогда, когда плоцкий епископ князь Генрик приехал туда к князю от короля. На ту пору Витовту воевать уж наскучило, Вильно он все равно не мог взять, ну а нашему королю наскучили родные братья с их распутством. Увидел король, что Витовт побойчее и поумнее их, и послал епископа уговорить князя оставить крестоносцев и покориться ему, за что посулил отдать под его власть Литву. Витовт, охотник до всяких перемен, благосклонно выслушал посла. Начались тут пиры да ристалища. И хоть другие епископы этого не одобряют, князь Генрик охотно садился верхом на коня и показывал на ристалищах свою рыцарскую силу. Князя мазовецкие все богатыри, даже девушки из их рода легко ломают подковы. Выбил князь один раз из седла троих рыцарей, в другой раз пятерых, а из наших меня свалил, да у Збышка конь под его натиском прынул и сел на задние ноги. Все награды вручала князю прекрасная Рынгалла, перед которой он в полном вооружении преклонял колено. И так они полюбили друг друга, что на пирах епископа оттаскивали от нее за рукава отцы духовные, которые приехали с ним, а Рынгаллу удерживал брат Витовт. И говорит епископ: «Я, мол, сам разрешу себя от обета, а Папа, если не Римский, то Авиньонский, подтвердит разрешение, но венчаться я должен незамедлительно, иначе сгорю!» Тяжкий это был грех, но Витовт не хотел противиться, чтобы не оскорбить королевского посла, — и они справили свадьбу. Потом уехали в Сураж, а там в Слуцк, к великому горю Збышка, который, по немецкому обычаю, избрал княгиню Рынгаллу госпожой сердца и дал обет быть верным ей до гроба.

— Все это так, — вдруг прервал его Збышко, — да люди потом стали говорить, будто княгиня Рынгалла, пораздумав, решила, что не пристало ей быть женою епископа, который жениться женился, а снять с себя духовный сан не желает, что не может быть над ними благословения Господня, и отравила мужа. Я как услышал про то, попросил одного благочестивого отшельника под Люблином разрешить меня от обета.

— Что он отшельник, это верно, — смеясь, возразил Мацько, — но вот благочестив ли, не знаю, потому мы в пятницу приехали к нему в лес, а он рубил топором медвежьи кости да так сосал мозг, что только кадык играл.

— Да, но он говорил, будто мозг — это вовсе не мясо, и сосет он его с особого соизволения, потому как насосется, так во сне ему бывают чудные видения и на другой день он может пророчествовать до самого полудня.

— Ну-ну! — сказал Мацько. — Прекрасная Рынгалла теперь вдова и может потребовать, чтобы ты служил ей.

— Понапрасну будет стараться, я себе выберу другую госпожу и буду верен ей до гроба, а там и жену себе добуду.

— Ты добудь сперва рыцарский пояс.

— Эва! Да разве после родин не будет ристалищ? А до ристалищ или после них король не одного рыцаря опояшет. А я против всякого выйду на бой. И епископ не победил бы меня, если бы мой конь не сел на задние ноги.

— Найдутся там получше тебя.

Тут шляхтичи из-под Кракова начали кричать:

— Господи, да ведь перед королевой не такие, как ты, будут выступать, а славнейшие рыцари мира. Состязаться будут Завиша из Гарбова, да Фарурей, да Добко из Олесницы, да Повала из Тачева, да Пашко Злодзей из Бискупниц, да Ясько Нашан, да Абданк из Гуры, да Анджей из Брехотиц, да Кристин из Острова, да Якуб из Кобылян!.. Где тебе мериться с ними силами, ведь против них никто не устоит ни при чешском, ни при венгерском дворе. Что ты болтаешь, будто ты лучше их? Сколько тебе лет?

— Восемнадцатый год, — ответил Збышко.

— Да тебя любой ногтем пришибет.

— Посмотрим.

— Слышал я, — сказал тут Мацько, — будто король щедро награждает рыцарей, которые возвращаются с литовской войны. Кто из вас краковский — скажите, правда ли это?

— Ей-ей, правда! — ответил один из шляхтичей. — Всему свету известна щедрость короля, только пробить-

ся сейчас к нему будет трудно — ведь в Кракове полным-полно гостей, которые съезжаются на родины и крестины, желая воздать честь и хвалу нашему государю. Ждут венгерского короля, приедет, говорят, римский император и всякие князья и правители, да и рыцарей будет тьма, всякий ведь надеется, что не уйдет от короля с пустыми руками. Толкуют, что прибудет сам Папа Бонифаций, который тоже ищет милости и помощи у нашего государя против своего авиньонского недруга. Нелегко будет доступить к королю в такой толпе, но уж если поступишься и припадешь к его стопам, то он щедро вознаградит тебя, коли ты этого заслужил.

— Я припаду к стопам короля, потому что заслужил, а случись еще война, опять пойду воевать. Взял я кое-какую добычу, да и князь Витовт меня не забыл, не беден я, но скоро уже состарюсь, а как сил-то убудет, захочется и мне иметь спокойный угол.

— Король не оставил своей милостью тех, кто вернулся из Литвы от Яська из Олесницы, они все сейчас как сыр в масле катаются.

— Вот видите! А я в ту пору не воротился — все еще воевал. Надо вам сказать, что немцам дорого обошелся союз короля и князя Витовта. Князь хитростью захватил заложников, а потом как ударит на немцев! Он разрушил и предал огню замки, перебил рыцарей, истребил пропасть народу. Немцы хотели отомстить вместе с Свидригайлом, который бежал к ним. Опять начался великий поход. Сам магистр Конрад выступил с большой ратью. Немцы осадили Вильно, пытались с высоченных башен пробить тараном стены замков, пытались добыть замки изменой — не удалось! А на обратном пути столько их полегло, что и половина назад не вернулась. Выходили мы в поле и против Ульриха из Юнгингена, брата магистра, самбийского правителя. Но Ульрих в страхе бежал со слезами, и с той поры настал мир, и город теперь отстраивается. Один святой монах, который мог босыми ногами ходить по раскаленному железу, пророчествовал, будто теперь Вильно до светопреставления не увидит под сво-

ими стенами вооруженного немца. Но если так оно будет, то чьих же рук это дело?

При этих словах Мацько из Богданца вытянул свои руки — широкие, непомерной силы, а прочие, качая головами, стали поддакивать:

— Да, да! Это он верно говорит! Да!

Но тут разговор оборвался из-за шума, долетевшего с улицы в окна, из которых вынули бычьи пузыри, так как ночь спустилась теплая и ясная. Издали донесся звон оружия, человеческие голоса, фыркание коней и песни. Все в корчме удивились, так как время было позднее и луна уже высоко поднялась в небе. Хозяин-немец выбежал во двор корчмы, но не успели гости осушить последние кружки, как он еще поспешней вернулся назад и крикнул:

— Едет какой-то двор!

Через минуту в дверях появился слуга в голубом кафтане и алой шапочке. Он остановился на пороге, окинул взглядом присутствующих и, увидев хозяина, сказал:

— Вытрите столы да зажгите огонь: княгиня Анна Данута остановится здесь на отдых.

С этими словами он повернулся и вышел вон. В корчме поднялось движение: хозяин стал звать слуг, а гости в изумлении воззрились друг на друга.

— Княгиня Анна Данута, — сказал один из горожан, — это ведь дочь князя Кейстуга, жена Януша Мазовецкого. Вот уже две недели как она в Кракове; это она, верно, ездила в Затор в гости к князю Вацлаву, а сейчас возвращается оттуда.

— Кум Гамрот, — сказал другой горожанин, — пойдемте на сеновал, для нас это слишком высокая компания.

— Нет ничего удивительного, что они едут ночью, — заговорил Мацько, — днем такая жара, но чего это они заехали в корчму, ведь монастырь под боком?

Затем он обратился к Збышку:

— Родная сестра прекрасной Рынгаллы, понял?

А Збышко ответил:

— И мазовецких панночек с нею, верно, без счета!

II

Но тут в корчму вошла княгиня, женщина средних лет, с улыбающимся лицом; она была одета в красный плащ и узкое зеленое платье с позолоченным поясом, который спускался вдоль бедер и внизу был застегнут большой пряжкой. За княгиней шли придворные панны, одни постарше, другие совсем еще девочки, все в веночках из лилий и роз, многие с лютнями в руках. Некоторые несли целые букеты свежих цветов, нарванных, видно, по дороге. За паннами показались придворные и пажи, и в корчме стало шумно. Все вошли оживленные и веселые, громко разговаривая и напевая, словно в упоении от ясной ночи и яркого сияния луны. Среди придворных были два песенника, один с лютней, другой с гуслиями у пояса. Одна из девушек, совсем еще молоденькая, лет двенадцати, тоже несла за княгиней маленькую лютню, набитую медными гвоздиками.

— Слава Иисусу Христу! — сказала княгиня, остановившись посреди корчмы.

— Во веки веков, аминь! — с низким поклоном ответили присутствующие.

— А где хозяин?

Услышав, что его зовут, немец выступил вперед и по немецкому обычаю преклонил одно колено.

— Мы остановимся у тебя отдохнуть и подкрепиться, — сказала княгиня. — Поторопись, а то мы голодны.

Горожане успели уже выйти из корчмы, а оба местных шляхтича, Мацько из Богданца и молодой Збышко, поклонились еще раз и хотели было тоже выйти, чтобы не мешать княгине и ее свите, однако Анна Данута остановила их:

— Вы шляхтичи и нам не помешаете! Познакомьтесь с придворными. Откуда бог несет?

Те стали называть свои имена, гербы, кличи и деревни, из которых они были родом. Услышав от Мацька, откуда он с племянником возвращается, княгиня всплеснула руками.

— Ах, как кстати! — воскликнула она. — Расскажите нам про Вильно, про моего брата и сестру. Приедет ли князь Витовт на родину и крестины?

— Князь хочет приехать, да не знает, сможет ли; потому он и послал с ксендзами и боярами серебряную колыбель в дар королеве. С этой колыбелью приехали и мы с племянником, мы ее охраняли в пути.

— Так колыбель уже здесь? Хотелось бы мне ее посмотреть. Она вся из чистого серебра?

— Вся из чистого серебра, но ее здесь уже нет. Ее повезли в Краков.

— А что же вы делаете в Тынце?

— Мы завернули сюда в монастырь к аббату, нашему родичу, хотим отдать на сохранение святым отцам всю нашу военную добычу и дары князя.

— Это вам Бог послал. Велика ли добыча? Но, скажите, почему брат не уверен, что сможет приехать?

— Он готовит поход на татар.

— Я это знаю; одно меня смущает, королева не пророчила счастливого конца этого похода, а все ее пророчества всегда сбываются.

Мацько улыбнулся.

— Эх, благочестива государыня наша, ничего не скажешь, но ведь с князем Витовтом пойдет множество наших рыцарей, отменных храбрецов, против которых никто не устоит.

— А вы не пойдете?

— Ведь меня послали с другими колыбель охранять, да и пять уж лет, как я не снимал доспехов, — ответил Мацько, показывая на отпечатки панциря на своем лосином кафтане. — Но дайте только отдохнуть, и я опять пойду, а нет, так племянника Збышка отдам пану Спытку из Мельштына, который поведет в поход всех наших рыцарей.

Княгиня Данута бросила взгляд на рослую фигуру Збышка, но тут разговор оборвался, так как в корчму вошел монах и, поздоровавшись с княгиней, стал смиренно укорять ее за то, что она не прислала в монастырь гонца

с вестью о своем прибытии и остановилась не у них, а в простой корчме, что не приличествует ее сану. Разве мало домов в монастыре, где находит приют даже простой человек, что же говорить о таком почетном госте, как супруга князя, предки и родственники которого оказали монастырю столько благодеяний!

Но княгиня весело ему возразила:

— Мы сюда заехали только размяться, утром нам надо ехать в Краков. Мы выспались днем и ехали ночью по прохладе, петухи уж пели, и я не хотела будить благочестивую братию, да еще с таким народом, который больше думает не об отдыхе, а о песнях да плясках.

Но монах продолжал настаивать на своем.

— Нет. Мы уж здесь останемся. Послушаем светских песен, время и пролетит незаметно, а к утрени приедем в костел, чтобы день начать с Богом.

— Служба будет о здравии милостивейшего князя и милостивейшей княгини, — сказал монах.

— Князь, супруг мой, приедет только через четыре-пять дней.

— Господь Бог и издалека ниспошлет ему благоденствие, а пока позвольте нам, смиренным, хоть вина принести вам из монастыря.

— Благодарствуем, — ответила княгиня.

Когда монах вышел, она тотчас крикнула:

— Эй, Дануся! Дануся! Встань-ка на лавку да потешь нашу душеньку той песней, которую ты пела в Заторе.

Придворные мигом поставили лавку посреди корчмы. Песенники сели по краям, а между ними стала та самая девочка, которая несла за княгиней лютню, набитую медными гвоздиками. Косы у нее были распущены по плечам, на голове веночек, платье голубое, башмачки красные с длинными носками. Стоя на лавке, девочка казалась маленьким чудным ребенком, словно фигуркой из костела или рождественского вертепа. Видно, не впервые приходилось ей стоять вот так и петь перед княгиней, потому что она не обнаруживала ни тени смущения.

— Ну же, Дануся, ну же! — кричали придворные панны.

Взяв лютню, девочка подняла голову, как пташка, когда хочет запеть, и, полузакрыв глаза, затянула серебряным голоском:

Ах, когда б я пташкой
Да летать умела,
Я бы в Силезию
К Ясю улетела!

Песенники тотчас стали вторить ей, один на гусельцах, другой на большой лютне; княгиня, которая ничего так не любила, как светские песни, стала покачивать в такт головой, а девочка снова затянула тоненьким детским голоском, свежим, как у пташки, когда весной она поет в лесу свою песенку:

Сиротинкой бедной
На плетень бы села:
«Глянь же, мой соколик,
Люба прилетела».

И снова завторили ей оба песенника. Молодой Збышко из Богданца, который с детских лет привык к войне и ужасным ее картинам, в жизни ничего подобного не видывал; коснувшись плеча стоявшего рядом мазура, он спросил:

— Кто это такая?

— Панночка из свиты княгини. Немало песенников увеселяют наш двор, но эта маленькая певунья всех милей княгине, и ничьих песен она не слушает так жадно, как ее.

— И не диво. Я думал, это ангел, не нагляжусь на нее. Как же ее зовут?

— Да разве вы не слыхали? Дануся. Отец ее Юранд из Спыхова, могущественный и храбрый комес, прославленный рыцарь, в бою он выступает впереди хоругви.

— Экая краса невиданная!

— Любят ее все и за песни, и за красу.

— Кто ж ее рыцарь?

— Да она ведь еще совсем дитя.

Дануся снова затынула песенку, и разговор оборвался. Збышко глядел сбоку на ее светлые волосы, на приподнятую головку, на полузакрытые глаза, на всю ее фигурку, залитую огнями восковых свечей и лунным сиянием, лившимся в растворенные окна, — и все больше и больше дивился. Ему казалось, что он уже где-то видел ее, он только не помнил — во сне ли или где-то в Кракове на окне костела.

И снова тихонько толкнув придворного, он спросил у него, понизив голос:

— Так она из вашего двора?

— Мать Дануси приехала из Литвы с княгиней Анной Данутой, та выдала ее тут за графа Юранда из Спыхова. Красавица она была и знатного рода, княгиня любила ее больше всех своих придворных панн, да и она любила княгиню. Потому и дочку назвала Анной Данутой. Но пять лет назад, когда немцы под Злоторыей напали на наш двор, она умерла со страху. Княгиня взяла тогда девочку — и с той поры воспитывает ее. Отец тоже часто наезжает ко двору и радуется, видя, что девочка его здорова и окружена любовью. Но только как ни взглянет он на нее, так всякий раз слезами и обольется, вспомнив свою покойницу, а вернувшись домой, мстит немцам за тяжкую обиду. Так любил он жену, как никто во всей Мазовии своей жены не любил, — и тьму немцев он за нее уже перебил.

У Збышка мгновенно зажглись глаза и жилы вздулись на лбу.

— Так немцы убили ее мать? — спросил он.

— И убили, и не убили. Сама она померла со страху. Пять лет назад был мир, никто про войну не думал, все жили спокойно. Без войска, с одной только свитой, как всегда в мирное время, князь поехал в Злоторыю строить башню. И тут, не объявляя войны, без всякого повода, вторглись в наш край предатели-немцы... Позабыв страх божий и все благодеяния, оказанные им предками князя, они привязали его к коню и угнали в неволю, а людей убивали. Долго томился князь в неволе у немцев, только когда король Владислав пригрозил им войною, страх об-

нял их, и они отпустили князя. Но во время набега скончалась мать Дануси, со страху подкатило у нее к самому сердцу и так сдавило в горле, что она померла.

— А вы, пан рыцарь, были при этом? Скажите, как вас зовут, а то я позабыл.

— Зовут меня Миколай из Длуголяса, а прозвище мое Обух. Я был во время набега. Видал, как один немец с павлиньими перьями на шлеме хотел привязать мать Дануси к седлу и как она на глазах у него побелела на веревке как полотно. Меня самого алебардой рубнули, вот и шрам остался.

С этими словами он показал глубокий шрам на голове, который тянулся из-под волос до самой брови.

На минуту воцарилось молчание. Збышко снова вперил взор в Данусю.

— Так вы говорите, — спросил он, помедлив, — у нее нет рыцаря?

Однако ответа он не дождался, так как в это мгновение песня оборвалась. Один из песенников, толстый парень, поднялся вдруг с лавки, и она качнулась набок. Дануся, пошатнувшись, взмахнула ручками, но упасть или соскочить с лавки не успела — Збышко ринулся, как лев, и подхватил ее на руки.

Княгиня в первую минуту вскрикнула от страха, но потом весело рассмеялась.

— Вот и рыцарь Данусе! — воскликнула она. — Подойди, рыцарь молодой, и отдай нам милую нашу певунью!

— Ловко он ее подхватил! — послышались возгласы среди придворных.

Збышко направился к княгине, прижимая к груди Данусю, которая обняла его одной рукой за шею, а другую подняла с лютней вверх, чтобы не раздавить свой инструмент. Все еще испуганное лицо ее озарилось радостной улыбкой. Приблизившись к княгине, юноша опустил перед нею Данусю на пол, а сам преклонил колени и, подняв голову, с удивительной для его лет смелостью сказал:

— Быть по-вашему, милостивейшая княгиня! Пора этой прекрасной панне иметь своего рыцаря, пора и мне

иметь свою госпожу, красоту и добродетели которой я бы прославлял, потому, с вашего позволения, я хочу дать обет этой панне и остаться ей верным до гроба.

Удивление изобразилось на лице княгини, однако не речь Збышка поразила ее, а внезапность всего происшедшего. Правда, рыцарские обеты в Польше не были в обычае, но Мазовия, лежавшая на немецком рубеже и часто выдавшая рыцарей даже из дальних стран, знала этот обычай лучше, чем другие польские земли, и часто следовала ему. Княгиня слышала о нем еще при дворе своего великого отца, где все западные обычаи почитались законом и образцом для самых благородных воителей, поэтому в желании Збышка она не нашла ничего оскорбительного ни для себя, ни для Дануси. Она даже обрадовалась, что милая ее сердцу придворная начинает пленять сердца и взоры рыцарей.

— Данусенька, Данусенька, — обратилась она, повеселев, к девочке, — хочешь иметь своего рыцаря?

Дануся сперва три раза подпрыгнула в своих красных башмачках, встряхивая распущенными косами, а затем, обвив руками шею княгини, воскликнула с такой радостью, точно ей посулили забаву, дозволенную только взрослым:

— Хочу! Хочу! Хочу!..

У княгини от смеха слезы выступили на глазах; вместе с нею смеялась вся свита. Высвободившись наконец из объятий девочки, княгиня обратилась к Збышку:

— Ну что ж, давай, давай обет! В чем же ты ей клянешься?

Хотя все кругом смеялись, Збышко хранил непоколебимую серьезность и так же серьезно, не поднимаясь с колен, произнес:

— Клянусь по прибытии в Краков повесить щит на корчме с пергаментом, на котором монах-краснописец четко напишет, что панна Данута самая прекрасная и самая добродетельная из всех девиц, какие только живут во всех королевствах. А кто станет мне в том перечить, с тем клянусь драться до тех пор, пока сам не погибну или он не погибнет, а нет, так сдастся.

— Отлично! Видно, ты знаешь рыцарский обычай. А еще что?

— А еще... От пана Миколая из Длуголяся я узнал, что матушка панны Дануты испустила дух по вине немца с павлиньим гребнем на шлеме, потому я даю обет сорвать с немецких голов несколько таких павлиньих чупрунов и сложить их к ногам моей госпожи.

При этих словах княгиня перестала смеяться и спросила:

— Ты что, не на шутку даешь этот обет?

А Збышко ответил:

— Так, да поможет мне Господь Бог и крест святой; свой обет я повторю ксендзу в костеле.

— Похвально сражаться с лютым врагом нашего племени, но мне жаль тебя, ты молод и легко можешь погибнуть.

Но тут приблизился Мацько из Богданца, который, будучи человеком старозаветным, только пожимал плечами, слушая княгиню и Збышка, но сейчас счел уместным вмешаться:

— Не тревожьтесь о том, милостивейшая пани! В битве смерть может настичь всякого, а для шляхтича, стар ли он, молод ли, сложить голову в бою — это славная смерть. И не в диковинку война моему хлопцу; хоть и юн он годами, а не раз уж довелось ему биться и конному и пешему, и на копьях и на секирах, и на длинных и на коротких мечах, и со щитом и без щита. Новый это обычай, чтобы рыцарь давал обет девушке, которая пришлась ему по сердцу; но я не стану корить Збышка за то, что он посулил своей госпоже павлиньи чупруны. Лупил он уже немцев, пусть еще их взлупит, а что проломит при этом несколько голов, так это только послужит к вящей его славе.

— Да, я вижу, что он не робкого десятка, — сказала княгиня.

Потом она обратилась к Данусе:

— Садись-ка на мое место, ты сегодня у нас первая особа, только не смейся, нехорошо.

Дануся села на место княгини; она хотела казаться серьезной, но голубые глазки ее смеялись коленопреклоненному Збышку, и она не могла удержаться, чтобы от радости не болтать ножками.

— Дай ему перчатки, — сказала княгиня.

Дануся достала перчатки и подала их Збышку, который весьма почтительно принял их из ее рук и, прижав к устам, сказал:

— Я приколю их к шлему, и горе тому, кто осмелится посягнуть на них!

С этими словами он поцеловал Данусе руки и ноги и поднялся с колен. Но тут его оставила прежняя серьезность, сердце юноши преисполнилось великой радостью оттого, что отныне весь двор будет почитать его зрелым мужем; потрясая перчатками Дануси, он весело и вместе с тем запальчиво воскликнул:

— Эй, сюда, псы с павлиньими чупрунами! Эй, сюда!

В это мгновение в корчму вошел тот самый монах, который приходил уже раньше, а с ним двое других, постарше. Монастырские служки несли за ними ивовые корзины, наполненные баклагами с вином и собранными на скорую руку лакомствами. Вновь пришедшие монахи, приветствуя княгиню, снова стали упрекать ее за то, что она не заехала в монастырь, а она снова стала объяснять им, что, выспавшись за день, путешествует со свитой ночью по холодку, поэтому в отдыхе не нуждается и, не желая будить ни достославного аббата, ни святых монахов, решила остановиться в корчме, чтобы немного размяться.

Обменявшись множеством учтивостей, порешили наконец на том, что после утрени и ранней обедни княгиня со свитой позавтракает и отдохнет в монастыре. Гостеприимные монахи пригласили вместе с мазурами краковских шляхтичей и Мацька из Богданца, который и без того намерен был отправиться в аббатство, чтобы оставить там на хранение военную добычу и дары щедрого Витовта, предназначенные для выкупа Богданца. Но молодой Збышко не слышал приглашения — он бросился к своим повозкам, стоявшим под охраной слуг, чтобы переодеться и предстать перед княгиней и Данусей в более прилич-

ном наряде. Сняв с повозки короба, он велел отнести их в людскую и стал там переодеваться. Торопливо причесав волосы, он убрал их под шелковую сетку, шитую янтарем, а спереди настоящим жемчугом. Затем он надел белый шелковый полукафтан, расшитый золотыми грифами, с нарядной оторочкой понизу; поверх кафтана подпоясался двойным золоченым поясом, на котором висел короткий меч с насечкой из серебра и слоновой кости. Все на нем было новое, все сверкало и не носило никаких следов крови, хотя было захвачено в поединке у молодого фризского рыцаря, служившего у крестоносцев. Затем Збышко надел красивые штаны с одной штаниной в продольные зеленые и красные полосы, другой — в фиолетовые и желтые, а сверху — в пеструю шахматную клетку. Надев после этого красные башмаки с длинными носками, красивый и нарядный, он направился в общую комнату.

Когда он остановился в дверях, все просто ахнули. Увидев, какой красавец рыцарь дал обет служить ее Данусе, княгиня еще больше обрадовалась. Дануся в первое мгновение кинулась к Збышку, как серна. Но она не успела добежать до него; красота ли юноши, изумленные ли возгласы придворных остановили ее, только за какой-нибудь шаг от него она замерла, потупив вдруг глазки, и, вся вспыхнув, жала в смущении ручки и стала перебирать пальчиками.

За ней подошли к Збышку другие: сама княгиня, придворные, песенники, монахи; все хотели получше рассмотреть юного рыцаря. Мазовецкие панны глаз с него не сводили, и каждая из них жалела теперь о том, что не она стала его избранницей, старшие дивились пышности его наряда, так что Збышко очутился в кругу любопытных; стоя посредине, он с самодовольной улыбкой чуть-чуть повертывался на месте, чтобы все получше могли его рассмотреть.

— Кто это такой? — спросил один из монахов.

— Рыцарь, племянник вот этого шляхтича, — ответила княгиня, показывая на Мацька, — он только что дал обет служить Данусе.

Монахи этому тоже не удивились, так как подобные обеты ни к чему не обязывали. Рыцари часто давали обет замужним женщинам, а у родовитой знати, знакомой с западным обычаем, почти не было дамы, которая не имела бы своего рыцаря. Если рыцарь давал обет девушке, то он вовсе не становился ее женихом: напротив, она чаще всего выходила замуж за другого, он же, если отличался постоянством, оставался верен ей, но женился тоже на другой.

Несколько больше удивил монахов возраст Дануси, да и то не очень, так как в те времена шестнадцатилетние отроки становились уже каштелянами. Самой великой княгине Ядвиге в ту пору, когда она прибыла из Венгрии, едва минуло пятнадцать лет, а тринадцатилетние девочки выходили тогда замуж. Впрочем, в эту минуту взоры были обращены не столько на Данусю, сколько на Збышка, и все слушали Мацька, который, гордясь своим племянником, рассказывал, каким образом юноша добыл столь богатое платье.

— Год и девять недель назад, — рассказывал Мацько, — пригласили нас в гости саксонские рыцари. У них гостил один рыцарь из народа фризского, который живет далеко, у самого моря, а с ним сын, года на три постарше Збышка. Как-то на пиру сын рыцаря стал, глумясь, говорить Збышку, что нет, мол, у него ни усов, ни бороды. Збышко, хлопец горячий, не стал его слушать, схватил за бороду и всю ее ему вырвал, за что мы дрались после на смерть или на неволю.

— Как же это вы дрались? — спросил пан из Длуголяса.

— Отец вступился за сына, я — за Збышка, вот мы и дрались вчетвером при гостях на утоптанной земле. Уговор у нас был такой, что победитель заберет и полные повозки, и коней, и слуг побежденного. Бог пришел нам на помощь. Порубили мы фризов, хоть и нелегко далась нам победа над этими сильными и храбрыми рыцарями, и добычу захватили богатую: четыре полные повозки, в каждую по паре мерингов запряжено, да четверку рослых ска-

кунов, да девять человек прислуги, да на двоих отборные доспехи, каких у нас, пожалуй, и не сыщешь. Правда, мы помяли в бою шлемы, но Господь кой-чем другим нас вознаградил — взяли мы целый кованый сундук дорогого платья; то, что сейчас на Збышке, тоже было в этом сундуке.

Тут оба краковских шляхтича и все мазуры стали с большим уважением поглядывать на дядю и племянника, а пан из Длуголяса, по прозвищу Обух, сказал:

— Я вижу, вы народ решительный и смелый.

— Теперь мы верим, что этот юноша добудет павлиньи чупруны!

А Мацько смеялся, причем в суровом лице его было что-то хищное.

Монастырские служки добыли тем временем из ивовых корзин вина и лакомства, а служанки стали вносить блюда дымящейся яичницы, обложенной колбасами, от которых по всей корчме пошел сильный и смачный дух свиного сала. При виде яичницы и колбас гостям захотелось есть, и все двинулись к столам.

Однако никто не садился, прежде чем княгиня не займет свое место; она села посредине, велела Збышку и Данусе занять места рядом напротив нее, а потом сказала Збышку:

— Тебе полагается есть из одной миски с Данусей, только не жми ей под лавкой ноги и не касайся ее колен, как делают другие рыцари, — она для этого еще слишком молода.

Он ответил княгине:

— Если я и стану это делать, милостивейшая пани, то разве только через два-три года, когда Господь позволит мне выполнить обет и когда созреет эта ягодка; что ж до того, чтоб жать ей ножки, то этого я не мог бы сделать, если бы даже захотел, — ведь они у нее не достают до полу.

— Это верно, — сказала княгиня, — приятно, однако, знать, что ты учтив в обхождении.

После этого все занялись едой и воцарилось молчание. Збышко отрезал самые жирные куски колбасы и подавал

их Данусе, а то и просто клал ей в рот, а она, довольная, что ей прислуживает такой нарядный рыцарь, уплетала колбасу за обе щеки, моргая глазками и улыбаясь то ему, то княгине.

Когда гости опростили блюда, монастырские служки стали разливать сладкое ароматное вино — мужчинам помногу, женщинам — поменьше; но рыцарскую свою учтивость Збышко особенно выказал, когда внесли полные чаши присланных из монастыря орехов. Там были и лесные, и редкие в те времена грецкие орехи, привозимые издалека, на которые гости накинулись с такой жадностью, что через минуту по всей корчме слышен был только треск скорлупы на зубах. Однако напрасно было бы думать, что Збышко помнил только о себе, он предпочел показать княгине и Данусе свою рыцарскую силу и выдержанность, нежели, набросившись с жадностью на редкое лакомство, уронить себя в их глазах. Набрав полную горсть лесных или грецких орехов, он не разгрызал их зубами, как делали другие, а раскалывал, сжимая своими железными пальцами, и подавал Данусе очищенные от скорлупы ядра. Он придумал даже забаву для нее: вынув ядро, он подносил руку к губам и дул на скорлупу — под могучим его дыханием скорлупа взлетала под самый потолок. Дануся хохотала до упаду, так что княгиня, опасаясь, как бы девочка не подавилась, велела Збышку прекратить эту забаву; видя, как рада Дануська, княгиня спросила у нее:

— А что, Дануся, хорошо иметь своего рыцаря?

— Ах как хорошо! — ответила девочка.

Она коснулась розовым пальчиком белого шелкового кафтана Збышка и, тут же отдернув руку, спросила:

— А завтра он тоже будет моим?

— И завтра, и в воскресенье, до гроба, — ответил Збышко.

После орехов подали сладкие пироги с изюмом, и ужин затянулся. Одним придворным хотелось поплясать, другим послушать песенников или Данусю; но у Дануси под конец стали слипаться глазки и клониться от дремоты головка; раз-другой она еще взглянула на княгиню, на

Збышка, протерла еще разок кулачками глазки — и, с великим доверием опершись на плечо своего юного рыцаря, тут же уснула.

— Спит? — спросила княгиня. — Вот тебе и «дама».

— Она и во сне мне милей, чем другая в танце, — ответил Збышко, сидя прямо и не двигаясь, чтобы не разбудить девушку.

Однако Данусю не разбудили даже музыка и песни. Одни притопывали ногами в такт музыке, другие вторили ей, гремя мисками, но чем больше был шум, тем крепче она спала, открыв, как рыбка, ротик.

Дануся проснулась только тогда, когда запели петухи, зазвонили колокола в костеле и все поднялись с лавок с возгласами:

— На утреню! На утреню!

— Пойдем пешком во славу Божию, — сказала княгиня.

И, взяв за руку пробудившуюся Данусю, она первая вышла, а за нею высыпала вся свита.

Ночная тьма уже поредела. На востоке светлело небо. Узкая золотая полоска зари, с зеленой каймою сверху и алой внизу, разливалась на глазах. Луна на западе словно отступала перед ней. А заря становилась все алее, все ярче. Мир пробуждался, омытый сильной росой, радостный и отдохнувший.

— Бог дал хорошую погоду, но жара будет страшная, — говорили придворные.

— Не беда! — успокаивал их пан Миколай из Длуголяса, — выспимся в аббатстве, а в Краков приедем под вечер.

— Пожалуй, опять прямо на пир.

— Там и нынче что ни день гуляют, ну а после родин да ристалищ пир пойдет горой.

— Посмотрим, как себя покажет рыцарь Дануси.

— Э, да ведь они богатыри!.. Слыхали, как они рассказывали про свой поединок с двумя фризами?

— Может, к нашему двору пристанут, вон о чем-то советуются.

Мацько и Збышко в самом деле держали совет; старик не очень был рад, что все так сложилось; идя позади свиты и нарочно отставая, чтобы потолковать с племянником на свободе, он говорил ему:

— Сказать по правде, никакого проку для тебя я во всем этом не вижу. Уж как-нибудь я пробьюсь к королю, ну хоть с этим двором, может, что-нибудь и заполучим. Очень мне хочется замок небольшой или городок заполучить... Ну да посмотрим. Богданец, само собой, выкупим, потому чем отцы наши владели, тем и мы должны владеть. Но откуда взять мужиков? Аббат поселил там новых, но ведь он их назад возьмет, а без мужика земле грош цена. Вот и смекай, что я тебе скажу: ты там обеты давай кому хочешь, но с паном из Мельштына иди к князю Витовту воевать против татар. Коли затрубят в трубы до родин, не жди, покуда королева родит и начнутся рыцарские ристалища, а выступай в поход, потому там может быть добыча. Ты знаешь, как щедр князь Витовт, а тебя он уже знает. Отличишься, богатые дары от него получишь. А что всего важнее — даст бог, захватишь уйму невольников. Татар на свете тьма-тьмушая. В случае победы по полсотни, а то и больше на брата придется.

Тут Мацько, алчный до земли и мужиков, размечтался:

— Боже ты мой! Пригнать с полсотни невольников да поселить в Богданце! Расчистили бы кусок пуши. Поднялись бы мы оба. Знай, нигде так не разживешься, как там!

Но Збышко покачал головой:

— Эва! Наторочить конюхов, которые жрут конскую пададь и к земле не привыкли! Какой толк от них в Богданце?.. К тому же я дал обет добыть три немецких гребня. Где я их найду у татар?

— Дал обет по глупости, такая и цена твоему обету.

— А моя рыцарская честь? Как с нею быть?

— А как было с Рынгаллой?

— Рынгалла отравила князя, и отшельник разрешил меня от обета.

— Так тебя в Тынце разрешит аббат. Аббат получше пустынноика, тот не на монаха, а больше на разбойника смахивал.

— Да не хочу я.

Мацько остановился и спросил, видно разгневавшись:

— Что ж будем делать?

— Поезжайте к Витовту сами, я не поеду.

— Ах ты, мальчишка! А кто к королю пойдет на поклон?.. И не жаль тебе моих косточек?

— На ваши косточки дерево свалится, и то не поломает их. Да хоть мне и жаль было бы вас, все равно я к Витовту не поеду.

— Что же ты будешь делать? Останешься сокольничим или песенником при мазовецком дворе?

— А разве плохо быть сокольничим? Коли вам слушать меня неохота, а поворчать приспичило, ну что ж, ворчите.

— Ну куда ты поедешь? Что ж тебе, наплевать на Богданец? Ногтями будешь землю ковырять? Без мужиков-то?

— Неправда! Ловко вы это придумали с татарами. Слыхали, что на Руси говорят? Татар, мол, столько найдешь, сколько их полегло в бою, а полонить никого не полонишь, потому в степи татарина никому не догнать. Да и на чем я буду гнаться за ними? Уж не на тех ли тяжелых жеребцах, которых мы захватили у немцев? Как же, догонишь на них! А какую добычу я возьму? Одни паршивые тулупы. То-то богачом вернусь в Богданец, то-то назовут меня комесом!

В словах Збышка было много правды, и Мацько умолк; только через минуту он заметил:

— Но тебя наградил бы князь Витовт.

— Это еще как сказать: одному он дает слишком много, а другому ничего.

— Ну тогда говори, куда поедешь?

— К Юранду из Спыхова.

Мацько в гневе передернул пояс на кожаном кафтане и бросил:

— А чтоб ты пропал!

— Послушайте, — спокойно сказал Збышко. — Я говорил с Миколаем из Длуголяса, и он мне рассказал, что Юранд мстит немцам за жену. Я пойду на помощь ему.

Ведь вы сами говорили, что мне не в диковину драться с немцами, что я знаю их повадки и знаю, как одолеть их. Да и там, на границе, я скорее добуду павлиньи чупруны, а вы знаете, что павлиний гребень какой-нибудь кнехт на голове не носит, — выходит, коли Бог поможет добыть гребни, то поможет взять и добычу. Ну а тамошний невольник — это вам не татарин. Такого поселишь в бору, век не пожалеешь.

— Да ты, парень, что, ума решился? Ведь сейчас нет войны, и бог весть когда она будет!

— Ах, дядюшка! Заключили медведи мир с бортниками — и бортей не портят, и меду не едят! Ха-ха! Да неужто вы не знаете, что войска не воюют и король с магистром приложили к пергаменту свои печати, но на границе-то вечные стычки. Угонит кто-нибудь скотину, стадо, так за одну корову жгут целые деревни и осаждают замки. А разве не угоняют в неволю мужиков и девок? А купцов на больших дорогах? Вспомните старые времена, о которых вы сами мне рассказывали. Разве плохо было Наленчу, когда он захватил сорок рыцарей, ехавших к крестоносцам, посадил их в подземелье и не отпускал до тех пор, пока магистр не прислал ему полный воз гривен? Юранд из Спыхова тоже только тем и занят, и дело на границе всегда найдется.

Минуту они шли в молчании. Тем временем совсем рассвело, и яркие лучи солнца осветили скалы, на которых было выстроено аббатство.

— Бог везде может послать счастье, — смягчился наконец Мацько, — помолись, чтобы ниспослал тебе Свое благословение.

— Это верно, все в Его воле!

— И о Богданце подумай, ты ведь не уверишь меня, что хочешь ехать к Юранду из Спыхова не ради этой свистелки, а ради Богданца.

— Вы мне этого не говорите, не то я рассержусь. Не стану отпираться, гляжу не нагляжусь я на нее, не такой я дал ей обет, как Рынгалле. Случалось ли вам встречать девицу краше ее?

— Что мне до ее красоты! Лучше, как подрастет, женись на ней, коли она дочка могущественного комеса.

Лицо Збышка осветилось юношеской доброй улыбкой.

— И то дело. Не нужна мне ни другая госпожа, ни другая жена! Вот состаритесь вы и зануют ваши старые косточки, так еще помяните наших с нею детей.

При этих словах улыбнулся и Мацько и ответил, совсем смягчившись:

— Грады! Грады! Пусть же посыплются тогда градом детишки. В старости радость, по смерти спасение подай нам, Иисусе!

III

Княгиня Данута, Мацько и Збышко уже бывали в Тынце, но некоторые придворные видели его впервые. Подняв глаза, они в изумлении смотрели на величественный монастырь, на зубчатые стены, которые тянулись вдоль скал над обрывами, на высокие здания, которые громоздились то по склону горы, то за острогом, отливая золотом в лучах восходящего солнца. При первом же взгляде на эти великолепные стены и сооружения, на эти дома и хозяйственные постройки, на сады, лежавшие у подошвы горы, и на тщательно возделанные поля, которые с высоты открывались взору, можно было сказать, что тут за столетия накоплены неисчислимые богатства, непривычные и удивительные для жителей бедной Мазовии. И в других местах были старинные богатые бенедиктинские аббатства, например в Любуше на Одре, в Плоцке, в Могильне, что в Великой Польше, но ни одно из них не могло сравниться с тынецким, владения которого были обширней многих удельных княжеств, а доходы могли возбудить зависть даже у тогдашних королей.

Придворные диву давались, иные просто глазам своим не верили, а княгиня, желая скоротать время и поразвлечь своих приближенных панных, попросила одного из монахов рассказать старинную и страшную повесть о Вальге-

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	381